

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИУДАИКИ

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

12

Санкт-Петербург
2016

Редакция:

А. Ю. Балакин, Е. А. Глуховская,
А. А. Кобринский (ответственный редактор),
О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru
<http://schoolsummer.jimdo.com>

ISSN 2307-5945 = Letnáá škola

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
№ ПИ № ФС 77-63198 от 1 октября 2015 года

Фото на обложке В. Аверина.

© Авторы статей, 2016

© «Летняя школа по русской литературе», 2016

МАРИЯ КРИВОШЕИНА
(Москва)

**«ВАТСОН, МЫ ОТПРАВЛЯЕМСЯ
В СТРАНУ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОХРАН...»**
(Шерлок Холмс, эпигоны и первая русская революция)

1900–1910-е годы в дореволюционной России отмечены почти беспрецедентной «сыщицкой лихорадкой», одним из проявлений которой были многочисленные рассказы-подражания о похождениях Шерлока Холмса в царской России. Об авторах таких подражаний известно очень мало, но одно несомненно — многим авторам-эпигонам шерлокианские пастиши служили плацдармом для выражения собственных идей, по большей части политических. В настоящей статье была предпринята попытка обратиться к наиболее примечательным образцам русской шерлокианы, сфокусировавшись преимущественно на «политической» составляющей текстов.

Ключевые слова: англо-русские литературные связи, Шерлок Холмс, революция 1905 года, русская детективная беллетристика, русская массовая литература начала XX века, Театр Суворина, М. Суворин, Б. Глаголин, П. Орловец, П. Никитин, С. Проппер, «Огонек».

The 1900–1910s in the Russian Empire were marked by the almost unexampled «detective fever», that started adopting new shapes since 1907, when various publishing houses and press organs began to publish numerous pastiche stories about the adventures of Sherlock Holmes in the late-Imperial Russia. Though little is known about the authors of such pastiches, it is certain that the pseudo-Sherlockian stories were used by some authors as platforms for the expression and promotions of their own ideas — mostly politics-related. In the following article the most notable examples of the Russian Sherlockiana were analyzed, focusing mostly on the «political» layer of the texts.

Key words: Anglo-Russian literary contacts, Sherlock Holmes, Russian detective fiction, Russian mass literature in the early XXth century, Suvorin's theatre, M. Suvorin, B. Glagolin, P. Orlovets, P. Nikitin, S. Propper, «Ogonyok».

Осенью 1906 года ежедневная газета «Обозрение театров» сообщала о готовящейся в петербургском Екатерининском

театре премьере спектакля, вернее, оперетты — «Шерлок Холмс в Петербурге». Внимание публики перформанс должен был привлечь не только обильными спецэффектами (газета сообщала, например, о «баталии конфетти» и «карусели пожарных»), но и своей подчеркнутой злободневностью: рассказы о расследованиях Холмса в Петербурге, где тот не только работает над делом о пропавшем ожерелье русской графини, но и знакомится, например, с «кафе-штантанной дивой» или содержательницей притона Сычихой, должны были сопровождаться многочисленными «куплетами на последние события дня».¹ Лубочная оперетка очевидным образом фиксирует две тенденции: с одной стороны, подтверждает популярность Холмса в России начала века, а с другой — отражает явное стремление русских шерлокианцев к «злободневности» создаваемых ими текстов.

1900–1910-ые годы в Российской Империи и впрямь были отмечены почти беспрецедентной сыщицкой лихорадкой, принимавшей самые разнообразные очертания. Так, у книготорговцев можно было приобрести книги о сыщиках всех мастей, калибров и национальностей — от «японских мистерий» про сыщика Ока Шиму из Токио до многосерийных романов про «короля русского сыска» Ивана Путилина, а московская типография Гиппиуса, например, издавала в 1908 году серию «Трущобы» — шестикопеечные выпуски рассказывали о подвигах «знаменитейших сыщиков всего мира» — при этом среди рассказов могли попадаться как описания реальных дел, так и лубочные пастиши, а также курьезным образом эротические новеллы Боккаччо и Мопассана. То, однако, что именно Шерлок Холмс был однозначным читательским фаворитом, сомнений, кажется, не вызывает — достаточно вспомнить, как часто его имя упоминалось в прессе и беллетристике и в каких неожиданных порой контекстах — например, знаменитая полицейская собака-ищейка по кличке Треф неоднократно нарекалась «четвероногим Шерлоком Холмсом».²

¹ Обзорение театров. 1906. № 1. 3 нояб. С. 12.

² *Очур Р., Кудрявцев Д., Пиотровский В.* Полиция России (XVIII–XX в.). М., 2010. С. 382.

Джеффри Брукс, отмечая, что увлечение сыщицкой беллетристической достигло своего пика уже после 1905 года, связывает популярность новелл о частных детективах с общей ревизией идей о законах, свободе, порядке, власти и т. д. Ключевую роль в этом случае, несомненно, играло то, что независимый сыщик представлял частные интересы, а не государственные.¹

Впрочем, последнее считывалось не всеми — и характерно в этом смысле замечание из анонимной рецензии, появившейся в журнале Александра Кугеля «Театр и искусство». Это был отклик на один из первых спектаклей, поставленных в России по конан-дойлевским новеллам — «Адский пес», перевод пьесы берлинского драматурга Фердинанда Бонна — премьера состоялась в Театре Литературно-художественного общества (он же Театр Суворина) в сентябре 1906 года. Безымянный критик увидел в Холмсе «гения полиции-вседержительницы, разумной, справедливой и неподкупной» (снабдив свое замечание риторическим вопросом — «Разве это не идеал современности?»).² Однако принципиально иной точки зрения придерживался исполнитель главной роли — Борис Глаголин, довольно именитый актер, фаворит директора Театра — Алексея Суворина. Глаголин позволил себе антиполицейскую ремарку во время одного из спектаклей — «Знаю я вашу чрезвычайную и усиленную охрану!»³ — импровизация стоила ему определенных взысканий. «Адский пес», впрочем, не был единственным холмсианским спектаклем в Театре: желая повторить успех предыдущей постановки, выдержавшей 50 представлений, Михаил Суворин (сын директора театра) и Борис Глаголин сами написали сценарий к следующему спектаклю, приуроченному к бенефису Глаголина. Выбор конан-дойлевской новеллы, вольная переделка которой легла в основу сценария, как кажется, подтверждает тезис Брукса о явной связи рецепции новелл о Холмсе с общей политизированностью атмосферы второй половины

¹ Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton, 1985. P. 163.

² Театр и искусство. 1906. № 38. С. 577.

³ Всеволодский-Гернгросс В., Холодов Е. История русского драматического театра: В 7 т. М., 1987. Т. 7: 1898–1917. С. 335.

1900-х. Сценарий «Новых приключений Шерлока Холмса» представлял собой свободное переложение новеллы «Золотое пенсне», двое из ключевых действующих лиц которой были, характерным образом, русскими революционерами (вернее, революционером и когда-то увлеченной им, но впоследствии разочаровавшейся возлюбленной), что отчасти вписывало постановку в политический дискурс. Нужно сказать, что определенная «злободневность» пьесы ощущалась многими критиками. Не все, впрочем, оказались этим довольны; к примеру, Осип Дымов увидел в гриме Глаголина слишком, на его взгляд, явное портретное сходство с ведущим публицистом суворинского «Нового времени», а именно с отличавшимся довольно радикальными взглядами Михаилом Меньшиковым.¹

Важно отметить, что Суворин, в противовес первым годам своей директорской карьеры, в какой-то момент начал отказываться от «солидного» репертуара в пользу более пестрого набора пьес, предназначенного для значительно более широкой публики — в этом смысле обращение к «злободневной» тематике понятно и, очевидно, продиктовано коммерческими амбициями: сочетание актуальной темы и фаворита публики Холмса в качестве главного персонажа несомненно являло собой мощный коммерческий тур-де-форс. Показательно, однако, и то, какие изменения Глаголин и Суворин-младший вносят в оригинальный текст рассказа — в этом смысле сценарий можно связать с одной актуальной тенденцией: Брукс, говоря о магистральных для русской массовой литературы начала века темах, особенно выделяет вопрос о национальной идентичности, рассуждения о которой долгое время оставались скорее прерогативой интеллектуальной элиты.² Как кажется, сценаристы пытались учитывать не только особенности дойлевского оригинала, но и — естественно — предпочтения широкой публики. В оригинале национальность персонажей практически

¹ *Петровская И.* Театр и зритель российских столиц: 1895–1917. Л., 1990. С. 67.

² *Brooks J.* When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature. P. 214.

не акцентируется, однако в глаголинско-суворинской пьесе Холмс и его русская клиентка периодически вступают в многословные диспуты или раздражаются монологами о русской и английской национальной идентичности: когда русская клиентка, обиженная резкой ремаркой Холмса, замечает, что русские «любят английскую литературу и английскую свободу», но терпеть не могут самих англичан, Холмс отвечает ей, что русские просто не понимают английской гордости, «выработанной веками свободы» и добавляет: «Вы не умеете даже быть русскими».¹

Однако, разумеется, театральными адаптациями русская рецепция новелл о Холмсе отнюдь не ограничивалась, и с 1907 года шерлокианский бум начал принимать новые формы — самые различные типографии и издания взялись за публикацию многочисленных рассказов-подражаний о похождениях Холмса уже не в Англии, но в царской России. Качество публикаций варьировалось, как и их формат — от небольших газетных фельетонов (вроде анонимного «Шерлока Холмса в Пензе») до объемных романов — как увесистый трехсотстраничный том «Похождений Шерлока Холмса в Сибири» Петра Орловца. Юнан-дойлевские эпигоны командировали Шерлока в самые разные уголки Российской Империи — от Одессы до Николаевска-на-Амуре, снабжая при том описания холмсовских вояжей трогательными подробностями и заставляя квази-Холмса, например, требовать к завтраку бутылку шампанского в привокзальном сибирском трактире² или восклицать на безупречном русском «Арестуйте этих молодчиков!»³

Стивен Лоуэлл, говоря о так называемом «среднем» слое русской беллетристики (вроде романов Анастасии Вербицкой), отмечает, что некоторые популярные развлекательные жанры, импортированные в Россию в начале XX века, отличались по сравнению со своими западными аналогами более явной моральной «серьезностью» и социальной

¹ Суворин М. А., Глаголин Б. С. Новейшие приключения Шерлока Холмса. СПб., 1906. С. 19.

² Орловец П. Похождения Шерлока Холмса в Сибири. [Б. м.], 2014. С. 22. (Новая шерлокиана; вып. I).

³ Шерлок Холмс в Симбирске. Симбирск, 1908. С. 21.

«нагрузкой».¹ Само наблюдение, возможно, требует некоторых оговорок — так, А. И. Рейтблат, откликаясь на статью Лоуэлла, замечает, что принадлежность литературы к «развлекательной» вовсе не исключает ее идеологической «нагруженности»,² которую Л. В. Гудков и Б. В. Дубин и вовсе считают почти неизменным атрибутом бульварной прозы.³ Тем не менее замечание Лоуэлла представляется весьма пронизательным. Кажется несомненным, что детективные пастиши служили многим авторам плацдармом для выражения собственных идей — или, во всяком случае, площадкой для отработки публицистической «повестки дня». Весьма ярким примером кажется случай Петра Орловца, предприимчивого и плодовитого беллетриста, а также газетного журналиста, а некогда и корреспондента на русско-японской войне. В 1909 году появилась первая «холмсианская» книга Орловца «Шерлок Холмс в Сибири», изобилующая полупублицистическими пассажами-отступлениями — вроде историко-социологических экскурсов и рассуждений, например, об интеллигентности сибирских каторжников, или об особенностях сибирских трактиров: «Подумав немного, я зашел в один из трактиров „без крепких напитков”, в котором, как и во всех русских городах, посетители скорее могут достать водку, нежели чай. Такое положение дел вытекает, по всей вероятности, из того, что низшим чинам, а зачастую и средним русской полиции, получающим мизерное жалование, выгодно не доносить о нарушении закона, с целью пополнения своего скромного бюджета».⁴

Книга Орловца примечательна уже тем, что является несомненной реакцией на читательский запрос, а именно, на две востребованные и, казалось бы, взаимоисключающие

¹ Reading for Entertainment in Contemporary Russia: Post-Soviet Popular Literature in Historical Perspective / Ed. by S. Lovell and B. Menzel. München, 2005. P. 21.

² Рейтблат А. Русский извод массовой литературы: Непрочитанная страница // Новое литературное обозрение. 2006. № 77. См.: <http://magazines.russ.ru/nlo/2006/77/re38.html> (дата обращения 30.01.2016).

³ Гудков Л., Дубин Б., Страда В. Литература и общество: Введение в социологию литературы. М., 1998.

⁴ Орловец П. Похождения Шерлока Холмса в Сибири. С. 101.

тенденции: она, с одной стороны, изображает дистанцированный от столицы регион (т. е. показывает империю в ее «многообразии»), а с другой — эксплуатирует образ протагониста-иностранца, тоже весьма востребованный. Роман Орловца, таким образом, отчасти приближается к жанру путевых заметок, что оправдывает обилие абстрактных отступлений, прерывающих рассказы о сибирских эскападах Холмса, а обращение к фигуре иностранца смягчает идеологическую тяжеловесность некоторых пассажей: «В смысле образования сибиряки тоже значительно опередили своих соотечественников центральных губерний Европейской России. Холмс объяснял это тем, что русское правительство, в продолжение целого столетия, заполняло Сибирь исключительно ссыльными элементами. Смесь политических ссыльных с уголовными и казаками, переселенными сюда еще графом Муравьевым, создала особый народ».¹

Для Орловца, впрочем, стремление не только к топографической и хронологической конкретности, но и к заостренной злободневности текстов закончилось не слишком удачно — в 1910 году на его новую книгу «Воскресший Каин. Похождение Шерлока Холмса против Золотой Ручки» был наложен арест, а все экземпляры «приговорили» к уничтожению (та же судьба постигла два номера журнала «Шутенок» и монографию Александра Голубкова «Научный и утопический социализм»).

Некоторые авторы были еще прямолинейней, когда дело касалось трансляции их взглядов на страницы эрзац-холмсианы — особенно политических воззрений, что во многом возвращает нас к уже цитировавшемуся наблюдению Джеффри Брукса. Вообще, как правило, об авторах шерлокианских подражаний, даже если тексты и не были опубликованы анонимно, мы знаем очень мало. В этом смысле показательно, что о Никитине, одном из самых заметных конкурентов Орловца, авторе весьма объемной (21 выпуск) серии «Похождение Шерлока Холмса в России», нам неизвестно ничего — за исключением его довольно эксплицитных революционных симпатий:

— До свидания, Англия! — воскликнул я. — Мы отправляемся в страну снега и медведей!

¹ Там же. С. 9.

Холмс улыбнулся.

— Было бы вернее, дорогой Ватсон, если бы вы сказали: в страну чрезвычайных охран. Россия — одна из самых курьезных стран: когда у нее кончается война, она заводит чрезвычайные охраны, по положениям о которых полиция и войска, приведенные на военное положение, начинают защищаться и защищать...

Шерлок Холмс загнулся, но, встретив мой вопросительный взгляд, неуверенно пояснил:

— Вероятно, от граждан и граждан от... кажется, тоже от граждан. Впрочем, наши стратеги еще не вполне выяснили этот метод.¹

Нужно сказать, что квази-Холмс в изображении многих беллетристов — не только Никитина — весьма охотно пускается в рассуждения о политике. Уже упомянутый Орловец и вовсе заставляет своего Холмса пренебрежительно заметить, что «взяться за политические дела он считал делом противным своей совести»,² а также делать сдержанно-скептические наблюдения, вроде «третья Дума так завалилась законопроектами и так была занята благами пожеланиями, что ей было решительно не до Сибири».³

Среди такого рода текстов попадаются порой исключительно любопытные случаи. Так, например, в 1907 году появилась тонкая, но очень примечательная книжечка автора, подписавшегося криптонимом В. П. — «Шерлок Холмс. Моя встреча и знакомство со знаменитым английским сыщиком», написанная от лица петербургского литератора, который долго мечтал об Англии и, наконец, «насобачившись в языке свободных бриттов»,⁴ смог совершить возделенный вояж, во время которого и познакомился с Холмсом. Долгим беседам Холмса с безымянным петербуржцем (за сигарами и кофе с ромом, в брайтонской резиденции детектива) посвящено не меньше страниц, чем холмсовскому расследованию.

¹ *Никитин П.* Новейшие приключения Шерлока Холмса в России: В 2 т. [Б. м.], 2013. Т. 1. С. 17.

² *Орловец П.* Похождения Шерлока Холмса в Сибири. С. 101.

³ Там же. С. 65.

⁴ *В. П.* Шерлок Холмс: Моя встреча и знакомство со знаменитым английским сыщиком. (Из воспоминаний недавнего прошлого). СПб., 1907. С. 1.

Рассуждает Холмс, помимо прочего, о настоящем и будущем Российской Империи — и начинает изъясняться при этом практически лозунгами:

Я люблю Россию и русских, славный народ, много простоты и искренности, много гостеприимства. Мне пришлось быть несколько раз в России, и единственно чем я остался недоволен там — это порядками или, вернее, беспорядками. Требовать требовали, а исполнять сами не исполняли. Вот и получились такие плачевные результаты, достукались до такого положения. *Но это пройдет, произойдет обновление, и свободная Британия подаст руку свободной России.*¹

Парой страниц спустя Холмс возвращается к этой мысли, правда, теперь снабжая ее несколько более пессимистическими обертонами:

Вот вы сейчас явились из страны, где идет борьба за свободу, в страну, где она же давно покоится на крепких устоях. И что же, обойдите всю Англию вдоль и поперек, всмотритесь в едва уловимые детали жизни одного из самых передовых народов, и вы увидите, что счастье остается здесь таким же неуловимым призраком, как и в странах каких-нибудь готтентотов. В общем, свобода есть предельная грань нашего полета.²

Бросается в глаза выдержанный в стилистическом отношении слог и бережное отношение к оригиналу — так, отойдя от дел, аутентичный Холмс и впрямь поселился в Брайтоне. Франко Моретти, к слову, рассуждая о топографии новелл Конан Дойля, относит Суссекс к наиболее часто упоминаемым в холмсиане графствам,³ поэтому весьма показательно то, что В. П. избирает местом действия своего рассказа именно его. Все это заставляет предположить, что за криптонимом скрывался автор с если не солидным, то, по крайней мере, хоть сколько-нибудь ощутимым писательским бэкграундом. То же можно сказать и о вероятном академическом

¹ Там же. С. 5–6. Курсив мой. — *М. К.*

² Там же. С. 10.

³ «Doyle's favorite counties are Surrey, Kent, Sussex (where the aging Holmes retires to tend bees)» (*Moretti F. Atlas of the European Novel: 1800–1900. London; New York, 1998. P. 137*).

«багаже» В. П.: Холмс ведет с петербургским повествователем пространные культурософские разговоры о «духовной нищете человечества», полные почти шопенгауэровского пессимизма и изобилующие культурно-морфологическими построениями — например, о «центробежной силе, действующей в круге вселенной, центром которой служит культура *x*».¹

Брошюрка В. П. была напечатана при поддержке политико-сатирического еженедельника «Поток», объявлявшего себя «органом свободной общественной мысли» и просуществовавшего недолго — всего четыре номера — но зато весьма эффектного и транслировавшего недвусмысленный идеологический посыл. Выход книги анонсировался еще в 1906 году, за некоторое время до ее фактической публикации — к слову, в числе других изданий, рекламировавшихся редакцией «Потока», были, например, «Начала социальной науки» Чарльза Брэдли и очерк Марка Волохова «из жизни проституток» с характерным названием «Наши сестры». «Поток» обладал весьма специфической репутацией. Так, первый номер, вышедший в 1906 году, был запрещен, а редактор провел некоторое время под арестом. Впрочем, спустя несколько месяцев издание журнала возобновилось, а конфискованный номер продавался по повышенной цене — что рекламировалось, в том числе, и на обороте книжки про Холмса.

Объявление о возобновлении подписки на журнал снабжалось напечатанным мелким шрифтом комментарием — *de facto* микро-манифестом: «Не принадлежащий ни к какой политической партии журнал „Поток“ ставит своей задачей: содействие бескровной борьбе за осуществление народных идеалов: за политическое и экономическое освобождение трудящихся классов», а всем потенциальным читателям предлагались «бесплатные премии»² — приложения к журналу, среди которых был, например, «Антихрист» Фр. Ницше. Среди же предполагаемых колонок журнала отдельное место предназначалось, помимо прочего, разделу «Из прошлого и

¹ В. П. Шерлок Холмс: Моя встреча и знакомство со знаменитым английским сыщиком. С. 10–11.

² Поток. 1906. № 2. С. 23–24.

настоящего освободительного движения» (а также специальному разделу «ЭХО», посвященному «всем выдающимся явлениям современной публики»).¹ Предположительно, В. П. должен был быть постоянным автором «Потока», однако в дошедших до печати номерах обнаруживается только один его текст — небезупречное с точки зрения правил версификации, но весьма недвусмысленное в идеологическом плане стихотворение, где явно слышатся лермонтовско-тютчевские нотки (цитирую фрагмент):

В силу сплотившись могучую,
Дружно требуйте прав Вы своих:
Правды, свободы и света нам нужно
И постоим мы за них...

Будем свободны, как тучки небесныя,
Сильны как моря волна;
Будем исполнены правдою честною
Жизнь будет счастья полна!..²

Как кажется, ярко выраженная позиция редакции журнала и его авторов позволяет предположить, что *casus scribendi* холмсианской брошюрки был скорее идеологическим, чем коммерческим или сугубо литературным, а детективная фабула и фигура Холмса скорее предлогом, чем реальным поводом.

Пассажи о политике (и революции в частности) мы обнаруживаем и в печатавшихся весной 1908 года в журнале обрусевшего австрийца Станислава Проппера «Огонек» рассказах о расследованиях Холмса в Москве, Баку и Одессе. Там события и вовсе разворачиваются на фоне революции 1905 года (среди действующих лиц — грек Мавротокис, грузинский князь Виношвили и батумские нефтепромышленники). В отличие от Никитина, В. П. и, пожалуй, Орловца безымянного автора было сложно заподозрить в революционных симпатиях:

Ранним утром в разных местах города находили мертвых ограбленных людей, но в общей кровавой сумятице

¹ Там же.

² Там же. С. 16.

все эти преступления не останавливали внимания и оставались нераскрытыми и ненаказанными. <...> А на улицах уже творился ад. С воем и гиком носились черные массы людей, и каждый переулочек выбрасывал все новые и новые массы.¹

Впрочем, шерлокианские публикации «Огонька» примечательны не только красочными описаниями и решительными антиреволюционными сентенциями их безымянного автора — серия фельтонов была частью резонансной мистификации, развернувшейся на страницах «Огонька» весной 1908 года, когда журнал напечатал факсимиле телеграмм, якобы полученных петербургской редакцией «Огонька» — автор-имярек требовал незамедлительной публикации прилагавшихся рассказов о похождениях Шерлока Холмса в России, а через несколько месяцев не замедлил «прийти» ответ — Холмс выезжал в Петербург на поиски автора, чьи рассказы «осмеивают деятельность» английского детектива. Прибытие Холмса в Петербург было описано подробно, однако еще подробнее обрисовывались многочисленные — и абсолютно безуспешные — старания Холмса добиться конфискации текстов и узнать имя автора, нигде не вызывающие сочувствия: ни в главном управлении по делам печати, ни в градоначальстве. А. Шерман усмотрел в некоторых особенно лестных пассажах осторожную попытку Проппера вернуть себе и своим издательским проектам расположение высших инстанций.² В начале 1908 года в петербургскую полицию поступила жалоба на «Биржевые ведомости» (второй и главный проект Проппера), якобы слишком много писавшие «о развитии анархических проявлений в разных местностях». Тем не менее задуманного эффекта жалоба не возымела и была отклонена Инспекцией по надзору за типографиями, литографиями и книжной торговлей. Интегрированные в текст комплименты петербургским административным структурам можно было считать, с одной стороны, проявлением благодарности,

¹ Шерлок Холмс и дело «Огонька». [Б. м.], 2013. С. 83 (Новая шерлокиана; вып. VII).

² Шерман А. Загадочное дело «Огонька»: Эпизод российской карьеры Шерлока Холмса // Шерлок Холмс и дело «Огонька». С. 11–12.

и с другой — еще одной попыткой Проппера укрепить свою чуть пошатнувшуюся редакторскую репутацию. Завершилось «дело Огонька» холмсовским разоблачением и полным фиаско — дедуктивный метод так и не помог сыщику понять, что автором рассказов оказался сам редактор, в конце истории произнесший назидательный монолог об опасности вездесущего «микроба Шерлокиады» (ради чего якобы и затевалась мистификация).¹ Как кажется, Проппер и впрямь мог быть если не автором, то соавтором — или, во всяком случае, ему было важно им казаться. Это бы явно объясняло антианархистский пафос фельетонов — вероятно также отчасти призванный нейтрализовать подозрения, вызванные якобы чересчур прореволюционной «Биржевой».

Переходя к заключению, позволю себе обратиться к тексту, во-первых, более позднему, а во-вторых — принадлежащему автору, скорее находящемуся за пределами низкой словесности. 1919 годом датируется так называемое «письмо из Екатеринодара», входящее в цикл «Писем о России» — приложение к монографии философа-мистика и теософа Петра Успенского «Совесть: Поиск истины»:

И неожиданно я представил себе Лондон, рассвет, город еще спит, и старого м-ра Шерлока Холмса, покидающего квартиру на Бэйкер-стрит вместе со своим верным другом доктором Ватсоном. В своем длинном пальто с поднятым воротником он идет искать причины столь высокого прожиточного минимума. <...> Есть только один способ сделать это. Скажите Сэру Артуру Конан Дойлю послать Шерлока Холмса в Россию! Я покажу ему все: и он все поймет и увидит. Семена, которые в Англии только прорастают, в России уже принесли свои плоды.²

А. И. Рейтблат, отмечая популярность холмсианских рассказов в середине 1900-х годов, последовавшую за относительным равнодушием к первым журнальным переводам из Дойля в 1890-х, связывает сыщицкий бум с тем, что русский читатель уже успел достаточно привыкнуть к де-

¹ Шерлок Холмс и дело «Огонька». С. 128.

² Успенский П. Совесть: Поиск истины. Из неопубликованных трудов. М., 1997. С. 214. Курсив мой. — М. К.

тективной беллетристике,¹ однако такое толкование представляется хоть и справедливым, но едва ли достаточным. Вероятно, особая популярность холмсианских новелл у авторов, перелицовывавших рассказы Дойля на русский лад, могла быть связана с тем, что образ Холмса оказывался чрезвычайно удобным и пластичным — с одной стороны, холмсовская подчеркнутая «английскость» позволяла обращаться к национальному дискурсу, а с другой — амплуа частного сыщика давало возможность оперировать максимально актуальными и злободневными темами, служа как коммерческим, так и идеологическим задачам. Подчас очень различным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Всеволодский-Гернгросс В., Холодов Е.* История русского драматического театра: В 7 т. М., 1987. Т. 7: 1898–1917.
2. *В. П. Шерлок Холмс: Моя встреча и знакомство со знаменитым английским сыщиком.* (Из воспоминаний недавнего прошлого). СПб., 1907.
3. *Глаголин Б. С., Суворин М. А.* Новейшие приключения Шерлока Холмса. СПб., 1906.
4. *Никитин П.* Новейшие приключения Шерлока Холмса в России: В 2 т. [Б. м.], 2013. Т. 1.
5. *Обозрение театров.* 1906. 3 нояб. № 1.
6. *Орловец П.* Похождения Шерлока Холмса в Сибири. [Б. м.], 2014 (Новая шерлокиана; вып. I).
7. *Очкур Р., Кудрявцев Д., Пиотровский В.* Полиция России (XVIII–XX в.). М., 2010.
8. *Петровская И.* Театр и зритель российских столиц: 1895–1917. Л., 1990.
9. *Поток.* 1906. № 2.
10. *Рейтблат А.* Детективная литература и русский читатель. (Вторая половина XIX — начало XX в.) // Рейтблат А. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 294–306.

¹ *Рейтблат А.* Детективная литература и русский читатель. (Вторая половина XIX — начало XX в.) // Рейтблат А. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009. С. 302.

11. Театр и искусство. 1906. № 38.
12. *Успенский П.* Совесть: Поиск истины. Из неопубликованных трудов. М., 1997.
13. Шерлок Холмс в Симбирске. Симбирск, 1908.
14. Шерлок Холмс и дело «Огонька». [Б. м.], 2013 (Новая шерлокиана; вып. VII).
15. *Brooks J.* When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861–1917. Princeton, 1985.
16. *Moretti F.* Atlas of the European Novel: 1800–1900. London; New York, 1998.
17. Reading for Entertainment in Contemporary Russia: Post-Soviet Popular Literature in Historical Perspective / Ed. by S. Lovell and B. Menzel. München, 2005.